

Дмитрий Серебренников, Кирилл Титаев
при участии Алексея Кнорре

Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг.

**Результаты второго
виктимизационного опроса**

аналитический обзор

УДК 343.988
ББК 67.51
С32

С32 **Серебренников Д., Титаев К.** Динамика преступности и виктимизации в России 2018–2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса: аналитический обзор. – СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2022. – (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 2(2022)). – 34 с.

ISSN 2413-029x online

ISSN 2413-0281

Аналитический обзор представляет результаты сравнения двух волн всероссийского опроса жертв преступлений, проведённых Институтом проблем правоприменения при ЕУ СПб: RCVS-2018 и RCVS-2021. Авторы показывают, что за 2018-2021 годы в структуре российской виктимизации произошли значительные изменения. Если в 2018 г. доминирующим типом инцидента, который респонденты описывали как преступление была кража, то в 2021 г. – это разнообразные телефонные или онлайн мошенничества. Также наблюдается незначительный рост некоторых других массовых преступлений. Для двух типов преступлений зафиксировано падение – это кражи, а также грабежи и разбои. Обзор начинается с методического введения. Далее представлены три аспекта исследования: специфика преступлений и портрета преступников, характеристики жертв преступлений, поведение жертв после криминального инцидента. В завершении работы приводятся результаты методического аудита, позволяющего говорить о валидности данных.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят ПАО «Сбербанк России» и НКО «Фонд экономической политики» за возможность провести презентуемое исследование, а Юлию и Павла Степанцовых за помощь в его организации.

Также хотелось бы поблагодарить Владимира Кудрявцева, Екатерину Ходжаеву, Дениса Савельева, Арину Дмитриеву, Дмитрия Скугаревского, Руслана Кучакова, Дарью Кузнецову, Ксению Рунову, Тимура Бочарова, Леонида Жижина и Вадима Волкова за плодотворные обсуждения результатов опроса и советы по улучшению текста отчёта.

Институт проблем правоприменения (The Institute for the Rule of Law) создан в 2009 году в составе Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Миссия ИПП – содействие судебной реформе и утверждению принципа верховенства права в России. Направления деятельности – проведение научных исследований, публикации и доведение до сведения широкой общественности их результатов, инициация общественных дебатов, выработка стратегических рекомендаций для всех заинтересованных сторон, включая тех, кто принимает решения, а также развитие обучающих программ. Деятельность института поддерживается Сбербанком, ПАО «МТС», Российским научным фондом и Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) был учрежден в 1994 году и начал свою работу как обучающая аспирантура по социальным наукам в 1996 году. Благодаря высокому профессионализму и уникальному научному потенциалу Европейский университет приобрел репутацию одного из самых динамичных и современных образовательных учреждений страны.

Контакты:

Санкт-Петербург, ул. Гагаринская 6/1лит. А.,
Научно-исследовательский центр
«Институт проблем правоприменения»
Тел.: (812) 386 76 12
E-mail: ipp@eu.spb.ru
www.enforce.spb.ru

Настоящее издание может свободно и без получения особого разрешения правообладателя распространяться в электронном виде при условии, что копирование и/или распространение не преследует целей извлечения прибыли, сохраняется указание имен авторов и правообладателя и не модифицируется, включая конвертацию в другие форматы файлов, оригинальная электронная версия издания, которую можно загрузить с сайта – www.enforce.spb.ru.

© Коллектив авторов, 2022

© Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2022

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

В 2021 году Институт проблем правоприменения провел вторую волну виктимизационного опроса (опроса жертв преступлений). Первая волна опроса была проведена в 2018 году. Данный отчет представляет результаты второй волны опроса, сравнивая ситуацию в 2018 году с ситуацией 2021-го.

Оба исследования проходили по технологии телефонного опроса, опираясь на простую случайную выборку. Результаты являются репрезентативными для России. В 2018 году было опрошено более 16 800 человек, в том числе более 3000 тех, кто считал себя жертвами преступлений. В 2021м было опрошено более 14 400 человек, в том числе более 3000 тех, кто считал себя жертвами. Опрос респондентов проводился по технологии, которая позволяла соединить их субъективную оценку события и описанные ими объективные криминообразующие признаки (различные формы ущерба, обстоятельства совершения преступления). Наряду с обстоятельствами преступления, респондентов опрашивали о последующем поведении – обращении в полицию или другие правоохранительные органы – и о реакции этих органов.

Содержательно исследование позволяет сделать несколько главных выводов:

- Опрос 2021 года показал резкий рост преступности по сравнению с 2018м. По данным опроса, экстраполированным на население России, в течение 12 месяцев до исследования 12,6 млн человек стали жертвами события, которое они сами могли бы идентифицировать как преступление. За три года до этого было зафиксировано число 8,9 млн человек. Детализированный анализ показывает, что рост преступлений, в которых, согласно опросу, можно зафиксировать физический или материальный ущерб, был не так велик – с 6,3 до 8 млн человек. Таким образом, значительный вклад в криминальные инциденты вносят события, которые не могут быть однозначно классифицированы Уголовным кодексом РФ как преступления.
- Большинство из инцидентов такого рода – это покушения на удалённые преступления: ситуации, когда респондент понял, что по телефону/интернету связался с мошенником, и прекратил общение, но при этом считает, что это было преступление. По нашим оценкам, таких событий было не менее 3,7 млн в год. Взрывной рост покушений на удалённые преступления ведёт к трудностям при проведении виктимизационных опросов в будущем, поскольку приравнивать покушения к фактам уже произошедших преступлений некорректно (неизвестно, сколько информантов не восприняло их как покушения и не стало говорить о них).
- Вместе с покушениями рост показывают и настоящие удалённые преступления – преступления (обычно мошенничества или кражи), которые произошли через интернет или телефон. Суммарно с покушениями жертвами таких инцидентов становятся около 7 млн человек в год – т. е. больше половины всех криминальных инцидентов относятся к этой категории. В 2018 году их было меньше трети от общего числа. На изменение общей структуры российской преступности указывает и то, что в первой волне опроса жертвы больше чем в половине преступлений с материальным ущербом теряли наличные деньги. В 2021 году самый частый вид ущерба – потеря денег с карты или банковского счёта. В типичном случае жертва теряет в результате инцидента до 50 тыс. руб.
- Некоторые другие массовые преступления также растут, но значительно медленнее. Для двух типов преступлений зафиксировано падение – это кражи, а также грабежи и разбои.
- Общий ущерб от преступлений составил почти 500 млрд руб., что вдвое больше, чем в 2018 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Методология и данные	6
Преступность	7
Общие оценки уровня преступности	7
Особенности удалённых преступлений	12
Характеристики преступников	13
Место и время совершения преступления	14
Время преступления	15
Ущерб от преступлений	15
Социальнодемографические характеристики жертв	19
Социальноэкономический статус	20
Доход	21
Субъективная удовлетворённость жизнью	22
Ощущение безопасности и страх перед преступностью	23
Поствиктимное поведение	24
Обращение в правоохранительные органы	24
Приложения	29
Приложение 1. Проверка качества данных. Аудит	29
Приложение 2. Сопоставление средних и стандартных ошибок между RCVS2021, КОУЖ2020 и данными Росстата	33
Приложение 3. Описание вопросника	34

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время большинство исследований динамики преступности в России делаются исходя из анализа официальной криминальной статистики, которая может не в полной мере отражать происходящие изменения. Альтернативным подходом оценки выступают виктимизационные опросы, или, как их ещё называют, опросы жертв преступлений. С помощью этого метода можно оценить количество преступлений, которые не попадают в официальную статистику по разным причинам. Например, потому, что индивид не посчитал инцидент настолько серьёзным, чтобы потратить своё время и прийти в полицию. Такой феномен в российской криминологии получил название «естественная латентная преступность». Одновременно органы полиции могли не зарегистрировать преступление, с которым гражданин обратился. Это в российской традиции называется «искусственная латентность преступности»¹.

Взгляд снизу накладывает и свои ограничения на интерпретацию данных опроса: с одной стороны, в них не могут отражаться преступления, повлекшие смерть жертвы, а с другой – сама жертва может считать преступлением то, что не является таковым юридически. Однако, несмотря на это, оценки виктимизационных опросов отражают то, сколько преступлений реально происходит в стране по мнению самих граждан и какова реальная структура преступности. Это важно для проектирования государственной правоохранительной и социальной политики, а также для понимания качества жизни.

Традиция проведения национальных опросов жертв преступлений в Западной Европе и США начинается в 1970х гг. В настоящее время в мировой практике считаются ведущими два виктимологических исследования, которые проводятся на уровне всей страны: NCVS² в США и CSEW³ в Великобритании.

В России первый виктимизационный опрос на национальном уровне (Russian Crime Victimization Survey, или RCVS) был проведён Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в СанктПетербурге в 2018 году⁴. Спустя три года, в 2021м, был проведен второй опрос, результатам которого и посвящен этот обзор⁵. Благодаря сохранению методологии опроса (в 2021 году были лишь расширены некоторые блоки вопросов) результаты двух опросов сравнимы между собой. Это позволяет оценить изменение структуры преступности за последние три года. С учётом начала пандемии результаты опроса можно с осторожностью трактовать в логике изменений, которые произошли с начала коронавирусных ограничений, по сравнению с тем, что было до того. По этой причине большая часть обзора посвящена сравнению двух волн опроса, но в некоторых случаях, для большей детализации выводов, анализироваться будут только данные 2021 года.

В обзоре будет уделено внимание результатам опроса в трёх больших аспектах: специфика преступлений и портрета преступников, характеристики жертв преступлений, поведение жертв после криминального инцидента.

¹ Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. В мировой традиции эти два феномена не разделяют и называют одним термином – «dark figure of crime».

² National Crime Victimization Survey (NCVS). URL: <https://bjs.ojp.gov/data-collection/ncvs>.

³ Crime Survey for England and Wales (CSEW). URL: <https://www.ons.gov.uk/releases/crimeinenglandandwalesyearend-ingmarch2021>.

⁴ Кнорре А., Тумаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса : аналитический обзор / Институт проблем правоприменения ЕУ СПб. СПб., 2018.

⁵ Данные RCVS-2021 доступны по ссылке. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/SGRQTI>

МЕТОДОЛОГИЯ И ДАННЫЕ

Опрос проводился по технологии телефонного опроса (Computer Assisted Telephone Interview, или CATI). В этом подходе компьютер генерирует случайный (в нашем случае мобильный) номер и звонит на него. Если респондент берёт трубку, оператор начинает интервью. Данная технология не является общепринятой для виктимизационных исследований, однако в российских условиях, с учетом массовых фальсификаций на уровне интервьюера в «бумажных» опросах⁶, такой подход изначально представлялся более разумным. Это было подтверждено тем, что в ходе первой волны опроса удалось добиться репрезентативности выборки на уровне страны по основным социальнодемографическим показателям⁷.

В текущей волне использовалась простая случайная выборка, отбор прекращался по достижении 3000 интервью с респондентами, которые утверждали, что были жертвами преступлений за последние 5 лет. У респондентов спрашивалось также, были ли они жертвами преступления за последние 12 месяцев. Всего был опрошен 14 431 респондент, из которых 3002 считали, что были жертвами преступлений (среди них 1571 говорил, что столкнулся с преступными посягательствами за последние 12 месяцев). И жертвам, и нежертвам задавался полностью блок вопросов об их социальнодемографическом статусе, доходах и страхах перед преступностью (см. ниже). Опрос охватил все регионы страны и более 3500 населённых пунктов.

В опросе удалось достигнуть высокого уровня репрезентативности. Сравнение основных социальнодемографических характеристик респондентов в RCVS2021 с данными Росстата⁸ и Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ2020)⁹ показывает, что доля мужчин в виктимизационном опросе отличается в положительную сторону от истинной для доли мужчин (примерно 2 процентных пункта¹⁰) и безработных (3.5 п. п.). Также наблюдается отрицательная разница в 4 п. п. для доли сельских жителей. Однако эти отличия статистически незначимы. Статистически значимо отличаются среднедушевые денежные доходы населения за месяц в нашей выборке и в данных Росстата. По данным Росстата, этот показатель равен примерно 35 тыс. руб., а средний доход члена домохозяйства в RCVS2021 – около 24 тыс. руб., однако – принимая во внимание то, что в КОУЖ2020 этот показатель равен 21 тыс. руб., а также специфику вопросов RCVS относительно дохода (см. ниже) – можно утверждать, что и в этом отношении выборка оказалась репрезентативной. В виктимизационном опросе существует незначительный снос по возрасту и уровню образования респондентов: менее представлены люди возраста 65 лет и старше и более представлены те, кто имеет высшее образование. Это объясняется меньшей доступностью пожилых для телефонного интервью (по состоянию здоровья или сложностям в пользовании телефоном), а также большей доступностью образованных групп населения. Как и обычно, опросными методами менее достижимы представители маргинализированных слоев, что, как показывают исследования¹¹, криминологически важно для тяжких насильственных преступлений. Однако, как будет показано ниже, вклад тяжкого насилия в общий объем преступности слишком скромен, чтобы серьезные преступления против жизни и здоровья можно было изучать опросными методами. Для остальных же видов преступности это смещение не принципиально. Более

⁶ Рогозин Д. М., Ипатова А. А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов? М. : Raduga, 2015.

⁷ Веркеев А. М. и др. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4–31.

⁸ Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат- М., 2019 - 549 с.

⁹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020. / Росстат- М. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

¹⁰ Далее как п. п.

¹¹ Титаев К. Насильственная преступность в России: жертвы и преступления : аналитический разбор / Институт проблем правоприменения ЕУ СПб. СПб., 2018.

детальное сравнение основных социальнодемографических характеристик RCVS2021 с другими источниками приведено в Приложении 2.

Совокупно это позволяет говорить о том, что опрос репрезентативен для коммуникативно активного совершеннолетнего населения России.

В качестве анкеты для опроса 2021 года использовалась анкета первой волны (RCVS2018), которая разрабатывалась на основе глубинных интервью с жертвами различных преступлений, с изучением опыта проведения виктимизационных опросов в других странах. В начале 2021 года был проведен методический аудит RCVS2018, в результате которого в анкету внесли ряд незначительных изменений и добавили новые блоки вопросов (страхи перед преступностью, субъективная удовлетворённость жизнью, точные значения дохода домохозяйства респондента). В первой половине мая того же года был сделан пилотный этап второй волны опроса (250 анкет), в течение второй половины мая – начала июня RCVS2021 был запущен и проведён. По завершении работ, в августе 2021 года, был выполнен аудит качества опроса по 600 анкетам жертв преступлений. Результаты аудита можно прочесть в Приложении 1. Детальное описание логики анкеты можно найти в Приложении 3.

ПРЕСТУПНОСТЬ

Общие оценки уровня преступности

Ключевой практический вопрос, на который можно ответить с помощью виктимизационных опросов: каков реальный масштаб преступности (а точнее, того, что респонденты считают преступностью) и какова её структура. В силу того, что RCVS проводится уже второй раз, мы можем сделать осторожные выводы о динамике преступности. В таблице 1 можно видеть сравнение количества жертв всех преступлений и жертв только с криминообразующими признаками.

Криминообразующие признаки в нашем случае – это то, что позволяет утверждать, что, с точки зрения российского законодательства, респондента можно посчитать жертвой: он утверждает, что в отношении него применялось физическое насилие и/или в результате преступления он понёс какой-либо материальный ущерб (измеримый в рублях). Нельзя забывать, что в результате преступлений граждане получают также моральный ущерб (и он сам по себе может быть криминообразующим признаком) и ущерб для себя и членов семьи, связанный с самим проживанием виктимного опыта, с потерей чувства защищённости. К сожалению, измерить моральный ущерб и поствиктимные издержки опросными средствами сложно, поэтому в данном исследовании они не фиксировались (у интервьюеров была инструкция, требовавшая, если респондент называет только моральный ущерб, фиксировать отсутствие ущерба).

Число экстраполировано на 1000 совершеннолетних жителей России¹². При этом там, где в заголовке таблицы указаны годы, а не периоды, сравнение идет только между теми, кто указал, что был жертвой за последние 12 месяцев в опросах 2018 и 2021 года.

¹² Далее по тексту указание «на 1000 чел.» следует понимать как количество жертв, экстраполированное на основании опросных данных на 1000 совершеннолетних жителей России, а не на 1000 опрошенных. Репрезентативные опросы позволяют делать выводы не только о представленности некоторого явления в генеральной совокупности, но и о его представленности во всей популяции, примерно так же, как на основании опросных данных прогнозируются результаты выборов.

Таблица 1. Жертвы преступлений за последние 12 месяцев на 1000 чел.¹³

	2018	2021
Все	76,6	108,9***
Только с криминообразующими признаками	54,6	69,2***
Общее количество респондентов	16 818	14 431
Количество респондентов, которые считают, что стали жертвами преступлений за последние 12 месяцев до опроса	1288	1571

Исходя из таблицы, можно утверждать, что с 2018 по 2021 год на 32% выросло число всех событий, которые граждане считают преступлениями, и примерно на четверть выросло число преступлений с криминообразующими признаками.

В пересчёте на всё совершеннолетнее население России мы можем сказать, что за последние 12 месяцев до начала опроса около 12,6 млн граждан могли утверждать, что стали жертвами преступлений и готовы об этом сообщить (т. е. примерно каждый девятый из ста россиян старше 18 лет). В 2018 году общее число жертв оценивается примерно в 8,9 млн человек. При более консервативной оценке (только по преступлениям с криминообразующими признаками) — 8 и 6,3 млн тех, кто стал жертвами преступлений соответственно.

При этом количество жертв не равно количеству преступлений. Детализировать эти цифры поможет обращение к тем респондентам, которые сказали, что стали жертвой более чем один раз. В 2021 году таких было 33,4%, что на 4% больше, чем в предыдущей волне опроса¹⁴, однако это число для всех жертв. Если сравнивать только жертв с реальным материальным или физическим ущербом, то мы получим статистические незначимые различия на уровне 27 и 28%. Это значит, что в указанный рост можно наблюдать только для тех, кто обозначил себя как жертву, но ущерба в результате криминального инцидента не понёс.

Благодаря тому, что у респондентов спрашивалось точное количество событий, классифицируемых как преступления, можно приблизительно оценить общее число таких инцидентов в России за год. Мы вели подсчет с условием, что адекватно оценивали ситуацию те респонденты, которые обозначили количество повторных преступлений как 9 и менее. Те, кто указал 10 и более (102 наблюдения из 3002), скорее риторически подчеркивали частотность преступлений, чем называли реальное число (так, пять респондентов сказали, что стали жертвой преступления 365 раз за последние 12 месяцев, т. е. становились жертвами ежедневно). Мы решили относиться к таким случаям консервативно и рассматривать их как простой факт сообщения о преступлении, т. е. за считывали один инцидент.

¹³ Звёздочки (asterisk) рядом с цифрой для 2021 г. Обозначают её статистическую значимость в сравнении с опросом 2018 г. Статистическую значимость можно интерпретировать как то, что разницу между двумя числами крайне затруднительно получить случайно. Т. е. при многократном проведении опроса мы, с определённой долей уверенности и в определённых границах, будем получать приблизительно такое же различие между значениями за три года. Чем больше звёздочек (от одной до трёх), тем результаты статистически более достоверны. Отсутствие звёздочек означает, что статистически это число могло получиться случайно и в другом опросе оно может быть другим, что значит — ему нельзя доверять. Более формально: * означает $p\text{-value} \leq 0,05$, ** — $p\text{-value} \leq 0,01$, *** — $p\text{-value} \leq 0,001$. В отчёте используются следующие тесты на значимость: T-Test, Mann-Whitney-Wilcoxon test, Chi-Square test.

¹⁴ Изменения статистически значимы. Здесь и далее, если какие-либо сравнения не появляются в таблицах, но при этом приводятся в тексте, то они статистически значимы.

Экстраполируя полученные значения, можно сказать, что в 2021 году произошел примерно 21 млн событий, которые совершеннолетние респонденты оценивают как преступление, по сравнению с 14 млн в 2018 году. Помня о том, что это может быть вызвано ростом «преступлений» без ущерба, оценим события, которые повлекли за собой какой-либо ущерб для респондента и их можно назвать преступлением не в обывательском смысле слова. Для 2021 года таких событий – 12 млн, а за три года до этого было 9 млн. Рост, пусть и не такой существенный, наблюдается и в этом случае.

Гипотезы о возможных причинах этого будут выдвинуты ниже, однако сейчас стоит задаться вопросом о достоверности полученной цифры, ведь по статистике МВД за 2021 год в России произошло чуть больше 2 млн преступлений¹⁵. Такие расхождения между официальными данными и результатами виктимизационных опросов наблюдаются и в других странах, поскольку респонденты склонны завышать количество криминальных инцидентов, произошедших с ними, а полицейские, наоборот, не учитывают в статистике большое количество случаев, которые расцениваются жертвами как преступление¹⁶.

Для анализа валидности данных стоит оценить их по другому, более жёсткому критерию. Таковым может являться информация о том, было ли дело о преступлении передано в суд или нет (табл. 2).

Таблица 2. Количество дел, направленных в суд за 12 месяцев в 2021 году

По данным RCVS2021, экстраполированным на все взрослое население России	856 961
По данным Судебного департамента ВС РФ ¹⁷	593 216

Мы получаем относительно сопоставимые цифры, благодаря чему можно считать, что представленные опросные данные соотносятся с данными официальной криминальной статистики. Ощутимое превышение опросных данных над официальными может объясняться многими факторами. Например, мы знаем, что правоохранительные органы, наблюдая серию преступлений, как правило, доказывают и передают в суд только ту часть, доказывание которой требует небольших усилий, так как в российской практике увеличение числа криминальных эпизодов не сильно увеличивает наказание¹⁸ (не более чем в полтора раза, по сравнению с наказанием за наиболее тяжкое доказанное преступление¹⁹).

В то же время, при работе с опросами жертв встаёт одна существенная проблема – их данные сами по себе не могут быть прямо истолкованы в терминах уголовного права. Представления граждан о том, что является, а что не является преступлением (и даже правонарушением), не всегда совпадают с рамками уголовного кодекса. Чтобы преодолеть эту проблему, мы задавали респондентам прямые вопросы (подразумевающие ответ «да»/«нет»), которые выявляли нали-

¹⁵ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года / ФКУ «ГИАЦ МВД России». М., 2022.

¹⁶ MacDonald Z. Official Crime Statistics: Their use and Interpretation // The Economic Journal, Volume 112, Issue 477, February 2002, Pages F85–F106.

¹⁷ В качестве официальных данных взято количество уголовных дел, в которых была жертва, т. е. не включались дела по терроризму, экстремизму, незаконному обороту оружия, наркотиков, взяточничеству, нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также экологические дела. Источник официальных данных: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

¹⁸ Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела : институциональный анализ / Институт проблем правоприменения ЕУ СПб. СПб., 2018.

¹⁹ Статья 69 УК РФ.

чие того или иного криминообразующего признака. Различные сочетания признаков позволили сгруппировать все инциденты в несколько типов преступлений (далее преступлением мы будем называть событие, которое респондент обозначил как преступление и в котором, исходя из ответа, присутствует не менее одного криминообразующего признака).

Таблица 3. Количество жертв определённого типа преступления в пересчёте на 1000 чел.²⁰

<i>Тип преступления</i>	<i>2018</i>	<i>2021</i>
Нападение	5,9	9,5***
Грабёж и разбой	3,8	2,9*
Мошенничество	8,3	6,4
Кража	18,5	13,9**
Удалённое преступление	13,0	31,3***
Покушение на удалённое преступление	14,5	32,1***

Представленные типы не имеют четкой привязки к статьям уголовного кодекса и скорее обозначают обобщённые специфические ситуации преступлений. Благодаря такой группировке мы можем получить детальную информацию, какие именно посягательства на права расцениваются респондентами как преступные и на что именно посягает правонарушитель. Это является важнейшим криминологическим фактом, поскольку описывает мир правонарушений с позиций граждан. Именно это должно быть основанием для государственной политики в сфере контроля преступности. Нужно понимать, какие события происходят с людьми, что именно расценивается ими как преступления и какие характеристики эти «преступления» имеют. И если к масштабу преступности в целом можно задавать много вопросов, то соотношение категорий преступлений между собой является намного более адекватным показателем.

Итого, мы выделяем следующие типы преступлений:

- Нападение – это событие, в ходе которого, по словам респондента, к нему было применено физическое насилие, при котором либо не было материального ущерба, либо этот ущерб был связан с повреждением имущества (а не с его завладением другим человеком). Проще говоря – это почти всегда насильственное преступление, где сам гражданин не усматривал дополнительного корыстного мотива преступника. Понятно, что некоторые такие события в силу незначительности полученных повреждений не могут быть отнесены к категории преступлений в терминах уголовного кодекса, однако 58% жертв нападения сообщали, что в результате происшествия нуждались в медицинской помощи, из которых 19% в итоге так и не обратились к врачу. В таблице 3 можно видеть, что число жертв нападения выросло за последние три года. Если раньше жертвами этого типа преступления становились примерно 6 человек из 1000, то в 2021 году – 9–10 человек. Экстраполируя на всех совершеннолетних жителей РФ (это относится ко всем подобным численным оценкам ниже), мы можем говорить о примерно 1,1 млн нападений в год.

²⁰ Здесь и далее «на 1000 чел.» означает: на 1000 совершеннолетних жителей России для жертв за последние 12 месяцев до опроса.

- Грабёж и разбой – это преступление, связанное с явным хищением чужого имущества или его повреждением. То есть это преступление, в котором жертва видела преступника и получила материальный ущерб. В эту категорию попадают как преступления, связанные с насилием и угрозой его применения, так и ненасильственные действия, приведшие к завладению чужим имуществом или его повреждению. Поскольку в ходе непродолжительного телефонного интервью сложно определить, хотел ли преступник насильно завладеть имуществом жертвы, грабёж и разбой является одной из самых «зашумленных» категорий²¹. В отличие от нападений, число таких инцидентов незначительно упало – с примерно 4 до 3 жертв на 1000 совершеннолетнего населения. Всего таких событий в России ежегодно происходит около 340 тыс.
- Мошенничество – это событие, при котором респондент стал жертвой обмана или злоупотребления доверием, получив при этом материальный ущерб, и, что важно, видел мошенника. Это довольно консистентная категория, которая единственная не претерпела каких-либо значимых статистических изменений. В год происходит около 750 тыс. таких событий.
- Кража – это преступление, при котором человек получил материальный ущерб и уверен, что объектом посягательства завладел другой человек, однако жертва не контактировала с преступником ни лично, ни по телефону. Важно отметить, что посягательства, которые были связаны с материальным ущербом, но где респондент не считал, что имуществом именно завладела (например, поджог), в эту категорию не попадали. Это одна из самых устойчивых (точно определённых в соответствии с Уголовным кодексом РФ) категорий и одна из самых многочисленных. В год наблюдается примерно 1,6 млн таких происшествий, однако, как видно из таблицы 3, их число постепенно снижается. Заметим, что сюда же попадают и мелкие хищения (около 14% тех, кто стал жертвами кражи за последний год до опроса, заявили, что лишились суммы меньше 2500 руб.). При этом нельзя забывать, что порог в 2500 руб. действует только для ч. 1 ст. 158 УК РФ – то есть для кражи, не связанной с проникновением в жилище, не являющейся карманной и т. д. С учётом этого можно утверждать, что большая часть наблюдаемых событий может быть отнесена именно к категории краж в уголовноправовом смысле.

В таблице выше не представлены еще два «технических» типа преступления. Они будут учитываться при расчетах дальше, но не будут представлены в таблицах и тексте, поскольку не несут содержательного смысла:

- Прочее – преступления, которые не получилось отнести к какой-либо из категорий выше (например, поджог). В пересчете на все взрослое население России получается 930 тыс. случаев.
- Недостаточно информации – случаи, когда представленные информантом данные не позволяют сказать, к какому типу может относиться преступление, но с точки зрения информанта оно таковым является (экстраполируя, мы можем говорить о 540 тыс. таких инцидентов).

Если суммировать все полученные цифры, мы получим около 5 млн преступлений, притом что выше указывалось совсем другое число – 12,6 млн. Оставшиеся ~7 млн занимает тип, существенно изменивший структуру преступности в России исходя из данных RCVS, – так называемые удалённые преступления. В нашей категоризации они разбиты на два подтипа:

- Удалённое преступление – преступление (обычно мошенничество или кража), которое произошло через интернет или телефон: телефонные мошенники («звонок из службы безопасности банка»), кража денег с банковской карты, кража аккаунта в социальных сетях и проч. Всего таких случаев около 3,6 млн в год.
- Покушение на удалённое преступление – попытка совершить преступление (обычно мошенническое, то есть связанное с обманом или злоупотреблением доверием) через интернет или телефон, которая была предотвращена респондентом (он понял, что ему звонят мошенники,

²¹ Подробнее см. в приложении 1.

успел заблокировать карту и т. д.), в результате чего он не понес никакого ущерба, но сообщил интервьюеру об этом как о преступлении. Проблема таких инцидентов, с одной стороны, в том, что сложно сказать, являются ли они преступлениями вообще, а с другой – в их количестве. Экстраполируя на всё население, можно говорить о минимум 3,7 млн покушений за год. Почему минимум? Потому что нам неизвестно, какое количество респондентов почитало такое действие преступлением и сообщило о нем, а какое не обратило внимание и забыло о покушении. Рост таких событий создает определённые сложности для проведения виктимизационных опросов в будущем, поскольку покушения на преступления невозможно изучать так же, как факты свершившихся событий.

Особенности удалённых преступлений

В 2018 году ведущим типом преступления была кража. Мелкая кража в целом являлась самым распространённым видом преступления, подтверждения чему мы можем найти как в официальной статистике²², так и в различных исследованиях повседневности работников полиции²³. Однако за последние три года число жертв этого преступления упало на треть, в то время как каждый подтип удалённых преступлений вырос более чем в 2 раза. В 2021 году 58% инцидентов, описанных жертвами, связаны с удалёнными преступлениями.

Выше мы выделили два подтипа таких преступлений: покушения и реальные инциденты, повлекшие материальный ущерб. При более пристальной оценке их криминалистические характеристики несколько различаются (табл. 4). Можно сказать, что удалённые преступления часто являются длящимися актами мошенничества, в которых злоумышленники задействуют и телефон, и интернет (в 53% случаев). В то же время покушение на удалённое преступление чаще происходит через телефон. Только в 25% случаев такие преступления совершаются с помощью обоих средств связи. Кроме того, из всех преступлений, совершённых по интернету, почти каждое пятое оказывается связано со взломом или кражей аккаунта.

Таблица 4. Криминалистические характеристики для типа «Удалённые преступления» (в процентах для каждого подтипа)

<i>Тип преступления</i>	<i>Преступление совершено с использованием телефона</i>	<i>Преступление совершено с использованием интернета</i>	<i>Из них преступлений, связанных со взломом или кражей аккаунта в социальных сетях или на других сайтах</i>
Удалённое преступление	85,7	71,3	17,3
Покушение на удалённое преступление	95,4	46,0	17,9

²² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года / ФКУ «ГИАЦ МВД России». М., 2021.

²³ Панеях Э., Титаев К., Шклярчук М. Траектория уголовного дела : институциональный анализ / Институт проблем правоприменения ЕУ СПб. СПб., 2018 ; Ходжаева Е. «Частное» и «публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. Т. 3. № 3. С. 18–52.

Характеристики преступников

Важная криминологическая информация, которая может быть получена из виктимизационного опроса, — это характеристики преступников. В отличие от официальной статистики, в опросе можно фиксировать лишь те случаи, когда жертва видела или слышала преступника. Это компенсируется возможностью наблюдать также и те преступления, о которых жертвы не стали сообщать в полицию. В целом, для разных типов преступлений уровень знаний жертвы о преступнике распределён предсказуемо (табл. 5). Лишь для удалённых преступлений люди примерно в половине случаев никак не контактировали со злоумышленником. Доля преступников, которых жертвы не видели в случае нападения (11%), может объясняться преступлениями в темное время суток или другими условиями, когда жертва физически не могла увидеть преступника.

Таблица 5. Распределение характеристик преступников по типам преступлений (в процентах по типам)²⁴

Тип преступления	Сколько жертв видели или разговаривали с преступником		Сколько преступников		
	были знакомыми жертвы	действовали в одиночку	были мужчинами	были в состоянии опьянения	
Нападение	89,1	35,5	52,4	93,4	63,4
Грабёж и разбой	85,6	36,8	51,7	92,0	60,7
Мошенничество	100,0	26,5	53,3	72,5	7,9
Удалённое преступление	54,7	7,6	63,4	73,2	5,3
Покушение на удалённое преступление	78,5	3,9	74,2	76,1	4,0

Более 25% преступников, осуществивших мошенничество, были ранее знакомы с жертвой. Для нападений, грабежей и разбоев эта доля достигает и вовсе более 35%. Это косвенно подтверждает тезис, что значительная часть преступлений в России совершается внутри одной социальной среды, а не является агрессией со стороны представителей криминальной субкультуры в отношении других граждан.

Высок процент групповых преступлений в случае мошенничества, грабежей, разбоев и нападения (в таких инцидентах около 47% преступников действовали в группе). Обратная ситуация наблюдается с удалённым мошенничеством — это относительно индивидуальное преступление, хотя именно в этом случае жертва может с большой вероятностью не знать о существовании группы преступников.

Как и предсказывают криминология и официальная криминальная статистика, преступность — это «мужское дело». В случае насильственных преступлений мужчины-преступники встречаются более чем в 90% случаев. Для оставшихся типов их доля несколько ниже (70–75%).

Кроме того, преступления, связанные с насилием или риском насилия (нападения, грабежи и разбой), чаще совершаются злоумышленниками в состоянии алкогольного опьянения. Для мошенничеств эта доля предсказуемо мала, однако это значение в целом падает для всех групп.

²⁴ Используются полные данные о жертвах за последние 5 лет из RCVS2021. Тип преступления «Кража» не визуализирован, поскольку само его конструирование происходит на основе того, что жертва не видела преступника в момент совершения преступления.

Место и время совершения преступления

Что касается места преступления, то гипотеза об уменьшении числа криминальных инцидентов в административных зданиях и публичных пространствах может найти свое подтверждение, поскольку единственным местом, где в 2021 году стало статистически меньше нападений, грабежей и разбоев, мошенничеств и краж – это общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники). Однако среди всех мест преступлений общественные пространства не занимают лидирующих позиций. Как и в предыдущей волне, самым частым местом, в котором происходит преступление (по словам респондентов), остается квартира или дом. Примерно 12 из 1000 совершеннолетних жителей России становятся жертвой в собственном доме или в гостях (всего жертв контактных преступлений будет около 37 человек на тысячу). Под «контактными преступлениями» мы объединяем нападения, грабежи и разбои, кражи и мошенничества. Ситуация с удалёнными преступлениями (в т. ч. и покушениями на них) отличается радикально. Их число растёт почти для всех мест преступления в 2–3 раза. Максимальный относительный рост в 3,7 раза наблюдается в случае с преступлениями на транспорте.

В этом смысле любопытно, что на фоне пандемии и так существовавшая особенность структуры российской преступности – локализация в квартирах или домах в случае насильственных преступлений – усиливается возросшим количеством удалённых (в нашей классификации имущественных) преступлений, которые теперь тоже часто происходят в этой локации. Суммарно около половины всех криминальных инцидентов в России происходит в домах респондентов или когда они идут в гости.

Таблица 6. Соотношение места и типа преступления в пересчёте на 1000 чел.

Место преступления	Контактные преступления		Удалённые преступления	
	2018	2021	2018	2021
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	13,1	11,8	19,3	39,8***
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	4,2	3,2	4,4	12,4***
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	6,7	4,6**	0,5	1,7**
В подъезде или во дворе	3,9	4,2	0,2	0,1
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	2,5	2,6	0,7	2,6***
На улице, дороге, парковке, на природе	10,2	10,7	1,5	3,8***

Отталкиваясь от гипотезы влияния пандемии на преступность, можно было бы ожидать, что в результате коронавирусных ограничений может либо возрасти, либо, наоборот, упасть количество случаев, когда в момент преступления рядом с респондентом находились другие люди. Однако, согласно опросу, статистических изменений в этом случае не наблюдается. Свидетели чаще встречаются в случае насильственных преступлений (в 64% случаев), а для удалённых их доля варьируется от 47 до 57%.

Время преступления

Респондентам задавался вопрос о времени суток преступления (светлое или темное). Такая приблизительность легко объяснима: вероятность того, что респондент помнит точное время, невысока. Кроме того, если бы мы спрашивали о точном времени, пришлось бы делать поправку на регион и время года, чтобы понять, было ли в этот момент светло. Наконец, для понимания характера преступности наличие или отсутствие света важнее, чем точное время²⁵.

В темное время суток совершается больше всего нападений (около 55–60%). Как мошенничества, так и удалённые преступления (в том числе покушения на них) обычно происходят днем (84, 78 и 87% соответственно). При этом за последние три года удалённые преступления стали чаще происходить в дневное время. Для других типов статистически значимых изменений не наблюдается.

Таблица 7. Количество жертв преступлений в светлое время суток (в процентах внутри типов)

Тип преступления	2018	2021
Нападение	39,0	45,1
Грабёж и разбой	45,3	51,2
Мошенничество	78,9	84,4
Кража	48,0	50,8
Удалённое преступление	70,2	77,5*
Покушение на удалённое преступление	70,7	86,8***

Ущерб от преступлений

Важнейшей характеристикой криминальной обстановки в стране является ущерб, который наносится гражданам в результате преступления. В данном исследовании мы анализируем материальный и физический ущерб. Но, как уже было сказано выше, нельзя забывать, что в результате преступления жертве и/или её близким может быть также нанесён и моральный ущерб, который может стать одним из криминообразующих признаков для возбуждения уголовного дела. Однако измерить этот вид ущерба опросными методами крайне сложно. По этой причине, невзирая на всю важность морального ущерба, в этом исследовании он не фиксировался (напомним, у интервьюеров была инструкция, если респондент называет только моральный ущерб, фиксировать отсутствие ущерба).

Физический ущерб

Среди тех, кто, как считает сам, стал жертвой преступления в течение 12 месяцев до опроса, 26% указали, что в отношении них применялось физическое насилие. Эти преступления мы относили либо к нападениям, если респондент не заявлял о материальном ущербе, либо к грабежам и разбоям, если респондент указывал одновременно и материальный ущерб. В пересчёте на всё совершеннолетнее население России мы можем сказать, что в год порядка 1,3 млн жителей страны становятся жертвами насильственных действий. При этом за последние три года количество таких преступлений выросло на треть. Если в 2018 году их жертвами становились 9 человек из тысячи совершеннолетних россиян, то в 2021м – уже 12 человек.

²⁵ Pease K. A review of street lighting evaluations: Crime reduction effects. 1999 ; Farrington D. P., Welsh B. C. Improved street lighting and crime prevention // Justice Quarterly, Volume 19, Issue 2, 2002, Pages 313–342.

Вопросы о типе физического ущерба задавались только жертвам насилия (табл. 8). Около 80% из них отмечают, что в результате получили те или иные повреждения. Исходя из процентных значений в таблице, наблюдается увеличение насильственных преступлений без физического ущерба, однако статистически эта разница оказывается незначимой (как и для остальных категорий в таблице). Возможной причиной этого является не столь значительное количество преступлений такого рода вообще, что мы можем видеть в тех же категориях в пересчёте на 1000 совершеннолетних жителей России.

Таблица 8. Тип физического ущерба, нанесенного во время преступления²⁶

	<i>В процентах</i>		<i>На 1000 чел.</i>	
	2018	2021	2018	2021
Не было	15,1	21,1	3.6	4.2
Синяки или ссадины	48,6	43,4	10.3	10.4
Более серьезные повреждения	36,3	35,5	6.9	10.3

Определить тяжесть полученных повреждений на основании слов респондента, как показал пилотный опрос, сложно. Поэтому мы задавали вопросы о необходимости медицинской помощи и обращении за ней тем респондентам, кто сообщил о полученных травмах в результате физического насилия. Из тех, кто получил травмы любого рода, 58% отметили, что нуждались в помощи врача, из них 80% обратились за медицинской помощью. Итого, 40% от всех жертв насилия (около 520 тысяч человек в год) обращались за помощью в связи с насильственными действиями третьих лиц. Во всех вопросах, связанных с медицинской помощью (и в процентном соотношении, и в распределении на 1000 человек), мы наблюдаем одинаковые распределения между 2018 и 2021 годом вплоть до доли процента.

При этом большая часть действий, связанных с насилием, совершается без оружия или других орудий, то есть при помощи рук, ног и других частей тела (табл. 9). Оружие и его заменители используются примерно в 34% насильственных преступлений. Огнестрельное оружие и его аналоги используются крайне редко. Жертвами инцидентов с использованием огнестрельного оружия, по данным RCVS2021, становятся меньше чем один человек на тысячу совершеннолетних жителей России. Суммарно можно говорить о приблизительно 112 тысячах таких инцидентов по стране в год.

Таблица 9. Тип оружия, который использовался во время инцидента, связанного с насилием (для жертв за последние 5 лет)

	<i>Процент от жертв нападений</i>
Нет	66,0
Холодное оружие (нож или что-то подобное)	16,4
Огнестрельное оружие или его аналоги	4,5
Другое импровизированное оружие (например, дубины)	13,9

²⁶ Все изменения статистически незначимы.

За последние три года произошёл почти двукратный рост нападений (т. е. насильственных преступлений без цели завладеть чужим имуществом), в то время как количество грабежей и разбоев (преступления, где желание завладеть чужим имуществом является одним из ключевых признаков) постепенно снизилось. Общее количество насильственных преступлений же статистически выросло примерно на 33%.

Материальный ущерб

54% жертв преступлений сообщили, что за последние 12 месяцев перед опросом в результате инцидента получили материальный ущерб, а 42% полагают, что их имуществом (в том числе деньгами) завладел другой человек. Важно понимать, что материальный ущерб может быть связан не только с банальной кражей, но и с повреждением или уничтожением имущества.

За последние годы произошли небольшие, но статистически значимые изменения в сумме материального ущерба. В случае 2021 года можно сказать, что медианное значение ущерба²⁷ для респондентов, ответивших на вопрос о сумме ущерба, составило немногим менее 10 тыс. руб. В первой волне RCVS этот показатель был на тысячу больше.

Если мы уберем из анализа 10% жертв с самым большим материальным ущербом как нетипичных²⁸, то пороговым значением для 2021 года будет 200 тыс. руб. со средним у оставшихся на уровне 43 тыс. руб., а для 2018 года – 117 тыс. и 30 тыс. руб.²⁹ Общая сумма материального ущерба, рассчитанная для всего населения России, представлена в таблице 10.

Таблица 10. Общая информация о материальном ущербе от преступлений

	2018	2021
Средняя сумма материального ущерба	30 тыс. руб.	43 тыс. руб.***
Медианная сумма материального ущерба	11 тыс. руб.	10 тыс. руб.***
Сумма материального ущерба, экстраполированная на всё население России	246 млрд	492 млрд

Причины роста общей суммы при сохранении медианы кроются в том, что за три года выросло количество жертв с материальным ущербом от 100 тыс. руб. и более (табл. 11). Кроме того, стоит отметить и эффект массовости покушений на удалённые преступления, изза которых количество жертв от инцидентов без ущерба выросло с 30 до 50 человек на тысячу совершеннолетнего населения. При этом жертв, понёсших ущерб, тоже стало несколько больше – в 2018 году их было 47 на тысячу совершеннолетнего населения, а в 2021 году 59.

²⁷ Медиана – это статистическая мера, показывающая границу между нижней и верхней половиной. Поскольку несколько респондентов называли сверхвысокие размеры ущерба (десятки миллионов рублей), среднее арифметическое при таком подсчете будет смещено в сторону неоправданно высоких значений. Медиана является более корректным инструментом сравнения в таких случаях

²⁸ Это не означает, что таких преступлений нет. Однако зачастую такие потерпевшие заявляли сверхвысокие значения ущерба, что может сильно изменить наши выводы об основной массе жертв.

²⁹ Здесь и далее цены приведены в рублях на 2021 г. с учетом инфляции. Значения винсоризированы по 90 перцентилю.

Таблица 11. Группы жертв преступлений с материальным ущербом, в процентах³⁰

<i>Размер материального ущерба</i>	<i>2018</i>	<i>2021</i>
1 руб. – 5 тыс. руб.	28,3	29,6
5–10 тыс. руб.	17,0	15,9
10–50 тыс. руб.	33,9	29,3
50–100 тыс. руб.	7,8	7,7
Больше 100 тыс. руб.	13,0	17,5*

При этом наблюдается интересная разница между типами преступлений (табл. 12). Так, наибольший ущерб связан с мошенничествами (медианное значение – 16 тыс. руб.). Другой категорией с одним из самых больших показателей в этом смысле является грабёж и разбой. Удалённые преступления, будучи самым массовым преступлением, имеют самый низкий медианный ущерб – 8 тыс. руб. При этом с точки зрения динамики по типам преступлений мы наблюдаем изменения только в случае краж, ущерб от которых снизился на одну тысячу рублей, и удалённых преступлений, для которых, наоборот, произошёл рост медианного материального ущерба.

Таблица 12. Медианное значение материального ущерба в рублях по типам преступлений³¹

<i>Тип преступления</i>	<i>2018</i>	<i>2021</i>
Нападение	12 тыс.	10 тыс.
Грабёж и разбой	12 тыс.	14 тыс.
Мошенничество	21 тыс.	16 тыс.
Кража	14 тыс.	13 тыс.*
Удалённое преступление	6 тыс.	8 тыс.***

При этом официальные данные по зарегистрированной преступности сильно ниже. По утверждениям представителей Следственного департамента МВД России, общий ущерб, который нанесли телефонные мошенники своим жертвам за год, равен 45 млрд руб.³² Анализируя результаты опроса, можно сказать, что ущерб только телефонных (без учёта тех интернетмошенничеств, где телефон не использовался) мошенничеств стоит оценить в 226 млрд руб., при медианном ущербе в 10 тыс. руб.

³⁰ В рублях на 2021 г., с учётом инфляции.

³¹ Статистически все изменения незначимы.

³² Ущерб от телефонного мошенничества с начала года в России составил 45 млрд рублей // ТАСС. 2021. 14 дек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13194049>.

Рост удалённых преступлений коснулся также и структуры материального ущерба жертв. Жертвы, понёвшие материальный ущерб в прошлой волне RCVS, указывали на потерю наличных денег больше чем в половине случаев (52%). В 2021 году этот тип отметило меньше трети респондентов (29%). Чаще всего же отмечают потерю безналичных денег с карты или счёта. По сравнению с первой волной опроса, в относительном выражении этот тип ущерба отмечали в два раза чаще (20 и 40% соответственно). Практически без изменений остался процент потери различных вещей (драгоценностей, одежды, техники), о которой заявляют около четверти респондентов, ответивших на вопрос.

Таблица 13. Тип материального ущерба от преступления, в процентах³³

	2018	2021
Наличные деньги	52,4	29,3***
Деньги с карты, счёта и т. п.	20,5	40,4***
Банковские карты и т. п.	1,0	1,6
Документы (паспорт)	1,4	1,0
Техника (телефон, ноутбук, пылесос, инструменты и т. п.)	16,8	19,9
Другое (драгоценности, транспортные средства, недвижимость и т. п.)	7,8	7,8

Таким образом, в типовом преступлении с материальным ущербом в России у жертвы крадут или обманным путём получают с банковской карты до 50 тыс. руб. Происходит это в результате удалённого преступления, где злоумышленник общается с жертвой по телефону и, реже, по интернету.

СОЦИАЛЬНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕРТВ

Блок вопросов, касающихся социальнодемографического положения, задавался всем респондентам вне зависимости от того, были ли они жертвами или нет. Это позволяет узнать, какая вероятность у индивида, принадлежащего к определённой социальноэкономической группе, стать жертвой преступления.

Например, нападение — относительно «молодое» преступление. Средний возраст его жертв ниже, чем у жертв преступлений любого другого типа, и, кроме того, становится ниже. Для 2021 года этот показатель равен 37 годам. Обратная ситуация с мошенничествами — им больше подвержены респонденты старшего возраста. За последние годы есть статистически значимое изменение в сторону ещё большего усиления этого тренда. Сейчас средний возраст жертв мошенничеств — 47 лет. Согласно опросу, средний возраст всех жертв статистически значимо ниже (41,8), чем нежертв (44,7).

³³ Сумма может быть больше 100%, поскольку респондент может выбрать несколько ответов.

Другой важный аспект социодемографического портрета – гендер. Результаты RCVS2021 подтверждают криминологические тезисы, что мужчины чаще становятся жертвами преступлений, связанных с причинением физического насилия, а вот женщины больше подвержены криминальным инцидентам другой части нашего спектра – удалённым преступлениям. Последний тезис может объясняться и тем, что женщины могут меньше стесняться рассказывать об этом типе преступления, чем мужчины. Общий процент мужчин-жертв статистически не отличается от не-жертв и равен примерно 48%.

Таблица 14. Половозрастные характеристики для жертв разных типов преступлений

Тип преступления	Средний возраст жертв		Процент жертв-мужчин	
	2018	2021	2018	2021
Нападение	35.9	37.2***	58,5	62,3
Грабёж и разбой	38.7	40.6*	58,3	56,7
Мошенничество	45.1	46.9*	51,7	48,1
Кража	42.3	42.9*	45,6	57,5***
Удалённое преступление	40.9	42.1***	40,6	44,6
Покушение на удалённое преступление	43.8	43.1*	35,4	38,0

Социальноэкономический статус

Поскольку каждому респонденту задавался ряд вопросов о её или его социальном положении (тип трудоустройства, получение социальных выплат, учеба в настоящий момент), мы восстановили приблизительные типы социальноэкономического статуса, которые поделили всю выборку жертв примерно на равные части³⁴. В таблице 15 представлено сравнение числа пострадавших от разных типов преступлений и их социальноэкономический статус в пересчёте на 1000 совершеннолетних жителей России. Руководители и рабочие – группы, представители которых чаще всего оказываются жертвами контактных преступлений. Обратная ситуация наблюдается со студентами. Однако если мы обратим внимание на динамику, то увидим, что не произошло никаких изменений для контактных преступлений. В то же время можно отметить всплеск преступлений удалённых, равномерно увеличившихся примерно в два раза для каждого из статусов, что красноречиво говорит о том, какие изменения в структуре преступности произошли за три года с первой волны опроса.

³⁴ В руководители попали респонденты, утвердительно ответившие на вопрос, руководят ли они на своей работе другими людьми. Служащие – люди, занятые любым нефизическим трудом, рабочие – люди, занятые физическим трудом, студенты – люди, которые учатся в данный момент (безотносительно к работе), пенсионеры – люди, которые получают социальные выплаты и одновременно чей возраст превышает пенсионный возраст для их пола. Все остальные люди, которые не работают и не учатся в данный момент (и не попали в перечисленные категории), помещены в категорию «Безработные» (даже если они получают социальные выплаты от государства).

Таблица 15. Соотношение социальноэкономического статуса респондента и типа преступления в пересчете на 1000 чел.

Статус	Контактные преступления		Удаленные преступления	
	2018	2021	2018	2021
Руководитель	8,3	9,1	5,1	12,7***
Служащий	7,0	6,2	5,2	13,7***
Рабочий	8,9	8,7	4,3	10,9***
Студент	5,1	4,3	2,9	6,5***
Пенсионер	7,5	7,1	4,8	11,4***
Безработный	7,3	5,5*	5,2	8,2**

В качестве альтернативного способа интерпретации этих перемен можно привести распределение ответов на вопрос – было ли связано преступление с обманом жертвы или введением её в заблуждение (табл. 16). Среднее значение положительного ответа выросло с 39 до 62%, а структура жертв на 1000 жителей имеет схожую динамику с удалёнными преступлениями на таблице выше.

Таблица 16. Готовы заявить, что стали жертвой преступления, связанного с обманом, в пересчёте на 1000 чел.

Статус	2018	2021
Руководитель	6,2	13,0***
Служащий	4,9	13,4***
Рабочий	5,4	12,2***
Пенсионер	5,5	12,3***
Безработный	4,6	10,0***

Доход

Помимо социальноэкономического статуса, исследовалась также группа относительного дохода респондента, который ранжируется от самого низкого («Едва сводим концы с концами») до самого высокого («Можем позволить практически всё»). Поскольку верхние два показателя («Можем позволить практически все», «Можем позволить только автомобиль») были слишком редкими, для таблицы 17 мы объединили их.

Таблица показывает, что распределение категорий относительного дохода жертв удалённых преступлений статистически не изменилось за три года. В то же время, для контактных преступлений доля состоятельных жертв стала меньше.

Таблица 17. Отношение уровня дохода жертвы и типа преступления, в процентах внутри групп

<i>Доход домохозяйства</i>	<i>Контактные преступления</i>		<i>Удалённые преступления</i>	
	2018	2021	2018	2021
Едва сводим концы с концами, денег не хватает на продукты	14,7	11,6	10,4	10,2
На продукты хватает, на одежду нет	27,2	27,0	26,4	27,5
На продукты и одежду хватает, на технику и мебель нет	24,6	32,4**	36,2	37,8
На технику и мебель хватает, на большее денег нет	18,8	20,0	17,9	16,1
Можем позволить только автомобиль; Можем позволить практически всё	14,7	9,0**	9,2	8,3

В последнем вопросе RCVS2021 выяснялся суммарный доход всех членов домохозяйства респондента. Изза сензитивности вопроса на него не ответило около 40% респондентов, однако сравнение по основным распределениям показывает, что ответившие и неответившие образуют одинаковые пропорции распределений – за исключением того, что назвавшие доход домохозяйства имеют смещение к средней и высоким группам субъективного дохода. Любопытно, что и средний, и медианный доход жертв (27 тыс. и 18 тыс. руб.) больше, чем у нежертв (23 тыс. и 16 тыс. р. соответственно). Предположительно это можно объяснить, скорее, большей готовностью рассказать о своём виктимном опыте со стороны более состоятельных респондентов.

Субъективная удовлетворённость жизнью

Чтобы полнее оценить специфику опыта виктимизации, всем респондентам задавался вопрос об их удовлетворённости своей жизнью в настоящее время: по шкале от 1 («Полностью не удовлетворён») до 10 («Полностью удовлетворён»). В результате средняя удовлетворённость для жертв преступлений равна 6,2 единицы, а для тех, кто не имел виктимного опыта, – 6,8 (статистически значимо). То есть в RCVS2021 респонденты чуть менее были удовлетворены своей жизнью, если заявили, что были жертвой преступления.

Чтобы понять, насколько корректным получились результаты, мы соотнесли общее распределение ответов на этот вопрос с результатами одного из самых престижных опросов, посвящённых в т.ч. субъективной удовлетворённости жизнью человека, – Всемирного обзора ценностей (World Value Survey, WVS)³⁵. Средние двух опросов схожи (6,7 у RCVS и 6,6 для WVS), однако статистически различаются, более того, RCVS распределён менее нормально, чем это наблюдается в опросе WVS. Возможно, это следствие чувствительности темы или особенностей проведения интервью по телефону.

³⁵ Использована выборка всех респондентов 7 волны (2017–2020) из России по переменной Satisfaction with your life (Q49), представленной в 10-балльной шкале. Источник: Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano J., M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2020. World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat.

Ощущение безопасности и страх перед преступностью

В RCVS2021 был также добавлен небольшой блок вопросов о субъективном ощущении безопасности и о страхах перед преступностью среди респондентов. Изучение этого феномена берёт начало в США 1960х годов³⁶. С тех пор в зарубежных исследованиях была разработана обширная методология изучения различных социальных страхов. В последней волне RCVS были заданы три основных вопроса на эту тему.

Первый и самый известный вопрос для измерения обсуждаемых феноменов: «Представьте, Вы идёте в одиночестве после наступления темноты в районе, где Вы живёте. Насколько безопасно Вы себя чувствуете в такой ситуации?». Предлагаются четыре варианта ответа от «Совсем не безопасно» до «В полной безопасности». Подавляющее большинство респондентов (около 84%) заявили, что в той или иной степени испытывают ощущение безопасности. Вариант «Скорее не безопасно» выбирают около 10%, а «Совсем не безопасно» – 6%.

Ожидается, что с ростом ощущения небезопасности падает субъективная удовлетворённость жизнью респондента, а процент жертв среди «небезопасных» ответов существенно выше, чем среди тех, кто чувствует себя в относительной или полной безопасности. Различие средней также статистически значимо для жертв (3,0³⁷) и нежертв (3,3).

Таблица 18. Безопасно ли в одиночестве в Вашем районе в тёмное время суток?

<i>Ответ</i>	<i>Процент от общего числа ответов</i>	<i>Средняя субъективная удовлетворённость жизнью респондентов (по шкале от 1 до 10)</i>	<i>Процент жертв в каждом из ответов</i>
Совсем не безопасно	6,0	5,8	30,8
Скорее не безопасно	9,8	6,0	30,5
В относительной безопасности	41,8	6,5	23,5
В полной безопасности	42,4	7,3	14,9

Однако такая разница может быть обусловлена не только и не столько реальным субъективным ощущением, сколько разной коммуникативной ситуацией задавания этого вопроса. Если респондент шёл по трюку нежертвы, то до этого он в типичном случае около 4 минут отвечал только на вопросы, связанные с его социальнодемографическими характеристиками, однако респондент-жертва к моменту этого вопроса в среднем уже около 10 минут рассказывал о деталях криминального инцидента, который произошёл с ним. Оказывается ли это значимым фактором – предмет отдельного исследования.

Распределение ответов на два других вопроса (о страхе ограбления квартиры и о страхе стать жертвой преступления) незначительно отличается от первого вопроса об ощущении безопасности. В целом можно сказать, что в ситуации телефонного интервью респонденты чаще говорили, что они не испытывают страхов, чем наоборот. Возможным источником этого являются различные социальные ожидания и неготовность респондентов говорить об этом незнакомцу.

³⁶ Веркеев, А. М. Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 24(3). С. 169–192.

³⁷ Расчёт шел через преобразование ответов в порядковую переменную от 1 до 4 с шагом один, где 1 – «Совсем не безопасно», а 4 – «В полной безопасности».

ПОСТВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Обращение в правоохранительные органы

Наряду с данными о преступности, виктимизационные опросы позволяют получить информацию о поствиктимном поведении жертв: обращались ли они в правоохранительные органы, как себя, с их точки зрения, вели стражи порядка и чем закончилось это обращение. В этой части обзора нет сравнений с RCVS2018, поскольку либо детализация поствиктимного поведения на выборке жертв за 12 месяцев до проведения опроса порождает слишком маленькие категории, которые невозможно сравнивать статистически, либо при сравнении не было зафиксировано динамики изменений. По этой причине работа будет идти с полной выборкой жертв, т. е. тех, кто ответил, что пострадал хотя бы от одного криминального инцидента за последние 5 лет до опроса.

Анализируя поствиктимное поведение, можно увидеть, что бóльшая часть жертв делится с близкими информацией о преступлении практически независимо от его типа (табл. 19). А вот в правоохранительные органы обращаются уже существенно реже. Самая низкая доля обращений – у категории «Покушение на удалённое мошенничество», и это подтверждает нашу гипотезу, что перед нами события, которые люди субъективно оценивают как преступления, но, исходя из дальнейшего поведения респондентов, совершившимся преступлением эти события не являются. Однако ситуация может измениться в скором времени, поскольку около 10% жертв покушений всётаки обратились в полицию, а готовы пойти в полицию, оказавшись в сходной ситуации, уже 38% пострадавших. Если допустить реалистичность этого сценария, он может обернуться валом заявлений в правоохранительные органы.

Таблица 19. Процентное соотношение поствиктимного поведения и типов преступлений (для жертв за последние 5 лет)

<i>Тип поствиктимного поведения (% от всех жертв)</i>	<i>Контактные преступления</i>	<i>Удалённые преступления</i>	<i>Покушения на удалённые преступления</i>	<i>Все преступления</i>
Сколько жертв рассказали близким о преступлении	88,5	85,7	89,2	87,4
Узнали ли правоохранительные органы о преступлении	60,1	43,1	10,3	43,9
В случае когда правоохранительные органы узнали о преступлении, было ли возбуждено дело	45,9	46,9	0	43,6
В случае возбуждения дела, сколько дошли до суда	43,6	18,3	0	36,4
Добилась ли жертва материальной компенсации (по всему типу преступления)	8,0	6,2	0,9 ³⁸	5,8
Оказавшись в сходной ситуации, обратится ли жертва в полицию (по всему типу преступления)	53,9	49,8	38,3	49,2

³⁸ Шесть респондентов указали, что добились материальной компенсации, притом что ранее заявляли об отсутствии материального ущерба в результате преступления. Судя по всему, респонденты не совсем корректно считали вопрос. Такое явление может встречаться в незначительных масштабах (в данном случае меньше процента респондентов в категории) и не влияет на итоговое качество анализа.

Далее задавался вопрос о возбуждении уголовного дела (ВУД). Мы призываем относиться к этой информации с осторожностью: респондент мог не знать, что дело возбуждено, или считать, что оно возбуждено, хотя этого не произошло. Интересно, что разницы традиционных преступлений и удалённых в контексте ВУД почти не наблюдается (около 46 и 47% соответственно). Более того, если верить респондентам, по инцидентам удалённых мошенничеств немного чаще возбуждают дела.

Следующий показатель – доведение до суда – отличается по типу преступления сильнее. Реже всех доходящими до суда выглядят удалённые преступления (18% от ВУД). Контактные преступления доходят до суда в 44% случаев от ВУД. При этом шансов добиться какойлибо компенсации у жертв немного. Этот показатель колеблется от 1% для покушений на удалённые мошенничества до 8% в случае контактных преступлений, но все равно остается достаточно низким. В целом, только около 6% (примерно 500 тыс. из 12,6 млн) жертв за год добиваются компенсации ущерба.

Анализ поствиктимного поведения жертв всех контактных преступлений не учитывает неоднородность этой категории. По этой причине в таблице 20 представлена информация из предыдущей таблицы, но уже детализированная по основным типам традиционных преступлений. Мы видим, что преступления, связанные с насилием, ведут к тому, что жертвы не столь часто рассказывают об инциденте, в отличие от таких имущественных типов преступлений, как мошенничество или кража.

Таблица 20. Процентное соотношение поствиктимного поведения и контактных типов преступлений (для жертв за последние 5 лет)

<i>Тип поствиктимного поведения (% от всех жертв)</i>	<i>Нападение</i>	<i>Грабёж и разбой</i>	<i>Мошенничество</i>	<i>Кража</i>
Сколько жертв рассказали близким о преступлении	80,8	88,5	91,1	91,6
Узнали ли правоохранительные органы о преступлении	60,5	63,5	50,5	66,9
В случае когда правоохранительные органы узнали о преступлении, было ли возбуждено дело	31,3	43,9	38,9	52,9
В случае возбуждения дела сколько дошли до суда	61,5	55,2	45,2	39,7
Добилась ли жертва материальной компенсации	3,6	17,3	7,9	10,0
Оказавшись в сходной ситуации, обратится ли жертва в полицию	48,4	53,8	45,3	60,0

Неоднородным оказывается ответ на вопрос, узнали ли правоохранительные органы о случившемся. Среди информантов чаще готовы сообщать о преступлении жертвы нападений (61%) и краж (67%), в то время как пострадавшие от мошенничества или грабежей сделают обращение только в половине случаев. Кражи также являются преступлением, при котором правоохранительные органы чаще всего возбуждают уголовное или административное дело (53%). В случае нападений такой же исход был только у трети респондентов, однако если дело уже было возбуждено, то до суда скорее будут доходить именно инциденты, связанные с нападением (62%). Материальной компенсации для большинства типов традиционных преступлений удаётся добиться в 4–17% случаев. Однако в случае нападений компенсацию удалось получить меньше

4% жертв. На вопрос, пойдёт ли респондент в полицию, если повторно станет жертвой того же преступления, положительно отвечали чаще жертвы краж (60%), меньше всего жертвы мошенничеств (45%).

Кроме формальных переходов между стадиями расследования преступления, существует еще и активность полиции, связанная с тем, как устанавливается виновный (табл. 21). Изначально жертвам были известны преступники (во всяком случае, по мнению жертв) в четверти случаев. В том числе для контактных преступлений (мы опять возвращаемся к агрегированной категории) – в 38%, для удалённых преступлений – в 15%.

Если респондент обращался в полицию, ему предлагали ответить на вопрос, кто установил личность преступника. В таблице приведены два самых популярных ответа. В половине инцидентов преступника установили правоохранительные органы, в доле от 22 до 30% (в зависимости от типа преступления) – сама жертва.

Удивительно, что даже если преступник, по словам респондента, был установлен, то в среднем вероятность наказания для него – лишь 33%. Только для краж она превышает 50% – благодаря чему среднее для контактных преступлений выше, чем в двух других категориях (36%). Однако важно отметить высокий процент примирений для тех дел, где преступник был установлен. Чаще всего примирение происходит при кражах (в трети случаев). Минимальная доля ожидаемо связана с удалёнными преступлениями – всего 10%. В среднем же одна пятая жертв примиряется с преступником.

Таблица 21. Процентное соотношение поствиктимного поведения и типов преступлений. Продолжение (для жертв за последние 5 лет)

<i>Тип поствиктимного поведения (% от всех жертв)</i>	<i>Контактные преступления</i>	<i>Удалённые преступления</i>	<i>Покушения на удалённые преступления</i>	<i>Все преступления</i>
Преступник был известен жертве	38,2	14,8	6,0	24,4
В скольких случаях при обращении жертвы в полицию преступника установили правоохранительные органы	54,0	53,0	50,0	53,4
В скольких случаях при обращении жертвы в полицию преступника установила сама жертва	28,1	22,9	30,0	27,5
Если преступник был установлен, был ли он наказан	36,8	28,9	13,2	33,4
Примирилась ли жертва с преступником	21,7	10,2	13,2	20,1

Кроме информации из двух разобранных выше таблиц, можно обратиться к некоторым дополнительным сведениям. Так, в 80% случаев в правоохранительные органы обращается сам потерпевший, а ещё в 11% – его знакомые. Если мы возьмём только преступления, в которых респондент получил физический ущерб, то сообщение о преступлении чуть чаще будут писать его знакомые (17%), однако сам участник инцидента всё равно обращается в подавляющем большинстве случаев (68%). Кроме того, в таких ситуациях достаточно мало случаев (около 5%), когда потерпевший считает, что в правоохранительные органы обратились медицинские организации, хотя формально их вклад должен быть достаточно велик в силу служебных инструкций.

Из всех правоохранительных органов в качестве организации, в которую обращаются жертвы, абсолютно лидирует полиция, а второе место занимает прокуратура (табл. 22).

Таблица 22. Правоохранительные органы, в которые обратилась жертва³⁹

	<i>Процент</i>
Полиция	90,1
Прокуратура	11,0
Следственный комитет	5,0

Наиболее распространённые способы контакта с полицией – личный визит и телефонный звонок – делят между собой 85% обращений (табл. 23). Первичный контакт с участковым относительно редок. При этом по телефону чаще в полицию обращаются жертвы краж (в 52% случаев, при среднем для всех типов преступлений в 35%). Столкнувшиеся с удалёнными преступлениями чаще идут в полицию лично (76% при среднем 51%). Среди других типов преступлений не наблюдается какой-то специфической связи с тем или иным способом связаться с правоохранителями.

Таблица 23. Способ контакта жертвы с полицией

	<i>Процент</i>
Пришли лично в отдел	50,8
По телефону	35,2
Полиция сама приехала	5,7
Обратились к участковому	4,9
По почте или через электронную форму	2,5
Другое	0,8

В таблице 24 показано распределение ответов на вопрос, как быстро приехала полиция после вызова. Обращает на себя внимание тот факт, что более чем в 40% случаев полиция приезжала в течение получаса, еще в двух третях случаев – в течение часа. Но следует заметить, что в одном случае из десяти полиция не приехала к респонденту вообще.

Таблица 24. Время, в течение которого полиция приехала на вызов

	<i>Процент</i>
В течение получаса	42,1
В течение 1 часа	26,5
В течение 3 часов	11,3
В течение 6 часов	1,5
В течение 12 часов	2,4
Не приехала	8,5
Всего преступлений, когда приехала полиция	7,6

³⁹ Сумма может быть больше 100%, поскольку респондент может выбрать несколько ответов.

Что касается контактов с полицией по факту преступления (табл. 25), 36% потерпевших встречались с сотрудниками правоохранительных органов лишь однажды и позднее не взаимодействовали (под влиянием первого опыта или по другим причинам). В 60% случаев все ограничилось одним или двумя контактами.

Таблица 25. Количество контактов с полицией по факту преступления

	<i>Процент</i>
1	35,7
2	25,3
От 3 до 7	30,6
Больше 7	8,4

При этом, по мнению жертв, сами респонденты почти в равной доле с полицией (37 и 38%) успешно устанавливают преступников (табл. 26).

Таблица 26. Сторона, установившая преступника

	<i>Процент</i>
Правоохранительные органы	38,3
Сама жертва	37,4
Знакомые, близкие, друзья	6,7
Частные лица (частные охранные структуры)	3,8
Преступник сдался сам	0,5
Был известен или сам себя обнаружил	2,5
Не найден	2,3
Затрудняюсь ответить / не знаю	8,5

Наконец, кроме обращения в правоохранительные органы, 17% жертв обращались за помощью к кому-то еще (табл. 27). Чаще всего жертвы просят помочь друзей и знакомых, но также привлекает внимание уровень востребованности юридической помощи. Среди опрошенных обращались за правовой помощью 6%. Прямые обращения в суд и к частным лицам остаются относительно редким явлением.

Таблица 27. Куда обращалась жертва за помощью, кроме правоохранительных органов (множественный выбор)

	<i>Процент от числа всех жертв</i>
В суд	2,8
К адвокатам, юристам	6,3
К знакомым, близким, друзьям	9,3
К частным лицам (например, в частные охранные структуры)	1,7

Подводя итоги, отметим, что в России граждане обращаются в правоохранительные органы менее чем в половине случаев после того, как они стали – по их субъективной оценке – жертвами преступлений. Из этих обращений менее половины приводят к возбуждению уголовного дела. Около трети случаев (от ВУД) становятся делами в суде – и лишь в одной трети из них злоумышленник получает наказание. Эффективнее всего работа строится с кражами, наиболее сложная ситуация – с удалёнными преступлениями. При этом среди правоохранительных органов лидером по количеству обращений (около 90%) является полиция.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Проверка качества данных. Аудит

Для проверки качества полученных данных после проведения опроса, в августе 2021 года был проведён его методический аудит, задачей которого было ответить на вопрос – насколько серьёзными могут быть следующие возможные ошибки в данных:

1. Респондент отвечал на вопросы анкеты корректно, но интервьюер неправильно записывал их («ошибка интервьюера»).
2. Респондент неправильно понял, что спрашивает интервьюер, либо респондент отвечал сразу про несколько преступлений, а не про одно последнее, как того предполагает дизайн анкеты («ошибка респондента»).
3. Исследователь неправильно подобрал формальные признаки для выделения из них типов преступлений («ошибка исследователя»).

Для аудита было использовано 600 интервью с жертвами преступления – случайные анонимизированные аудиозаписи, которые были распределены между тремя аудиторами так, чтобы каждая запись в итоге была прослушана 2 раза. При прослушивании аудитор должен был сравнивать ответы, которые даёт респондент, с теми, которые записаны в базе RCVS, и отмечать ошибки записи со стороны интервьюера или подозрения на таковые. По результатам прослушивания интервью аудитор должен был оценить, были ли ситуации, когда интервьюер и респондент не поняли друг друга или когда респондент говорил сразу про несколько преступлений, а интервьюер не остановил его. В завершение аудитор должен был определить тип преступления из закрытого перечня (каждый из типов был подробно объяснен и разобран с аудиторами). В случае сложных преступлений (которые попадают под два и более типа) необходимо было ставить самый тяжкий из них.

Проверка на «ошибку интервьюера»

Чтобы оценить качество заполнения анкеты интервьюером, для каждой анкеты были просуммированы два её варианта от разных аудиторов и сделана консервативная и либеральная оценка. В спорных случаях (один аудитор посчитал, что была ошибка, а второй, что было подозрение на ошибку или её вообще не было) при консервативной оценке в результаты заносилась ошибка, при либеральной – подозрение на ошибку. При проверке вручную было принято решение ориентироваться на либеральную оценку, т. к. избыточная критичность одного из аудиторов делает консервативную оценку менее точной.

Средняя доля ошибок в каждой из колонок 0,07% (т. е. семь сотых процента), для подозрений на ошибку 0,95%. Максимальная доля ошибок среди колонок найдена в Q19_1: «Тип ущерба: Наличные деньги» (1%). Максимум для подозрений на ошибку в Q16: «В каком примерно месяце это было?» (3,83%), а также Q19_1: «Тип ущерба: Наличные деньги» (3,33%).

Во время аудита было видно, что один из аудиторов занял принципиально консервативную позицию при оценивании, а второй – либеральную. Причина таких расхождений в том, что феномен преступления сам по себе достаточно сложен, а из-за специфики телефонных переговоров ответы респондента могут трактоваться поразному. Однако при наличии таких «крайностей» и аудитора, придерживающегося умеренной позиции, можно утверждать, что смещений в агрегированных оценках не наблюдается.

Проверка на «ошибку респондента»

«Ошибка респондента» в нашей классификации – случаи, когда респондент рассказывал не про одно преступление, а про несколько. По консервативной оценке (когда мы считаем спорный случай за ошибку) оказалось ошибок 6,2% и ещё 0,3% подозрений на это. По либеральной (считаем спорный случай за подозрение на ошибку) наблюдается обратная ситуация – ошибок 0,5%, подозрений на ошибку 6%. То есть практически во всех случаях один аудитор увидел ошибку, а второй – подозрение на неё или не увидел её вовсе. Это может быть объяснимо как разной критичностью к данным со стороны аудиторов, так и сложностью определения того, действительно ли респондент говорит про разные преступления по ответам на однозначные («да»/«нет») вопросы.

Второй частью этого блока была оценка прочих проблем в коммуникации, повлекших за собой некорректное заполнение анкеты. Фактически, этот пункт означал наличие любых проблем в коммуникации, которые так или иначе могли повлиять на проведение интервью, например:

- Плохое качество связи.
- Раздражённость информанта вопросами интервьюера или очевидное нежелание отвечать на них.
- Плохая подготовка интервьюера (когда он относился к своим обязанностям чрезмерно формально или, наоборот, безответственно, что приводило к сложностям в общении).
- Пропуск вопросов интервьюером и проч.

По консервативной оценке такие явления хотя бы раз встречались в 37,7% анкет, а подозрение на ошибку в 0,3%. Однако и здесь видно, что аудиторы редко приходят к единому мнению, поскольку при либеральной оценке ошибка произошла только в 5,8%, а подозрение на неё в 32,2% случаев.

Здесь важно отметить, что если хотя бы в одном вопросе анкеты аудитор увидел наличие проблем в коммуникации, то он должен был отметить этот пункт. С учётом того, что в среднем аудиторы редко когда видели больше одного некорректно заполненного вопроса, цифры выше стоит интерпретировать так: по самой консервативной оценке, в 37,7% анкет наблюдалась ошибка заполнения одного из почти 120 вопросов. Иными словами, ошибки случаются крайне редко.

Проверка на «ошибку респондента»

По завершении прослушивания аудиторы должны были оценить тип преступления. После сопоставления было получено 117 (19,5%) интервью, в которых аудиторы назвали разные типы, а не один и тот же. Можно грубо классифицировать их как «сложные преступления». Обычно это случаи, когда:

- Невозможно выделить один тип преступления. Например, респондент говорит, что приобрёл какуюто вещь в интернете, но приходил платить за неё наличными в офис компании, которая потом объявила себя банкротом, по критериям это одновременно и удалённое мошенничество, и обычное.
- Респондент отвечает про разные преступления или само качество интервью слишком плохое (например, изза помех связи не слышно значительной части информации, которую говорит респондент), изза чего аудиторы пришли к разным выводадам.
- Само преступление является сложным. Например, респондент говорит: «Брат поругался с таксистом. Он нажал на кнопку. Приехали таксисты, брата избили, у меня забрали телефон». Если мы принимаем позицию брата респондента, это должно быть нападением, если респондента, то грабежом.
- Информация, которую даёт респондент, очень расплывчата – и один аудитор поставил какоето преступление, а другой записал «недостаточно информации» (чаще всего это связано с жалобами на государство).

Рисунок 1. Соотношение типов преступлений из выборки RCVS2021 и полученных по результатам аудита

Нападение	34	9	1	0	0	0	0	0
Грабеж и разбой	5	14	0	0	0	0	1	0
Мошенничество	0	0	30	2	1	0	7	0
Кража	0	1	4	113	0	0	14	1
Удаленное преступление	1	0	20	6	158	3	5	4
Покушение на удаленное преступление	0	0	1	1	6	86	6	0
Прочее	3	2	7	12	0	0	18	3
Недостаточно информации	1	1	2	7	0	2	4	4

Нападение
 Грабеж и разбой
 Мошенничество
 Кража
 Удаленное преступление
 Покушение на удаленное преступление
 Прочее
 Недостаточно информации

(По горизонтали – RCVS, по вертикали – аудит. Всего 600 преступлений)

На рисунке 1 приведено соотношение типов преступлений из выборки для аудита (по вертикали) и RCVS2021 (по горизонтали). Из графика видно, что выбранный метод «собирания» типов преступлений из криминалистических характеристик хорошо работает для большинства типов. Сложности происходят с определением мошенничеств, часть которых может попадать в «Удалённые преступления». Кроме того, не всегда корректно определяются подтипы внутри насильствен-

ных преступлений (т. е. «Нападение», «Грабёж и разбой»). Последней проблемой разработанной классификации является ложное отнесение краж к типу «Прочее» и наоборот. Но даже опытный дознаватель или следователь периодически сталкивается с проблемами точной квалификации по первому рассказу потерпевшего, которые снимаются только после проведения следственных действий.

В случае классификации по формальным признакам удалось достичь высокого качества и легко объяснимых ошибок при проверке. В результате можно утверждать, что представленные типы преступлений преимущественно корректно отражают реальные явления, происходившие с респондентами.

Итоговое распределение типов преступлений по аудиту и RCVS2021 можно видеть в таблице 28. Сопоставление данных показывает, что в виктимизационном опросе корректно классифицированы 76% преступлений. Если исключить из анализа сложные случаи, то корректно классифицируются уже 83%.

Таблица 28. Соотношение типов преступлений по аудиту и автоматической кодировке в RCVS2021 (всего респондентов – 600)

<i>Тип преступления (аудит)</i>	<i>Процент</i>	<i>Тип преступления (RCVS2021)</i>	<i>Процент</i>
Удалённое преступление	27,5	Удалённое преступление	32,8
Кража	23,5	Кража	22,2
Покушение на удалённое преступление	15,2	Покушение на удалённое преступление	16,7
Мошенничество	10,8	Мошенничество	7,5
Прочее	9,2	Нападение	7,3
Нападение	7,3	Прочее	6,7
Грабёж и разбой	4,5	Недостаточно информации	3,5
Недостаточно информации	2,0	Грабёж и разбой	3,3

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Сопоставление средних и стандартных ошибок⁴⁰ между RCVS2021, КОУЖ2020⁴¹ и данными Росстата⁴²

	RCVS2021						КОУЖ2020		Росстат 2020
	все опрошенные		нежертвы		жертвы		N	Средняя	Средняя
	N	Средняя	N	Средняя	N	Средняя			
Мужчина	14 427	0,49 (0,47–0,49)	11 268	0,47 (0,46–0,48)	3000	0,49 (0,47–0,50)	101 435	0,45 (0,44–0,45)	0,46
Возраст, лет	14 427	44,45 (44,20–44,70)	11 268	44,97 (44,68–45,26)	3000	42,60 (42,07–43,13)	101 435	48,60 (48,47–48,72)	40,02
18–34, %	14 427	0,30 (0,30–0,31)	11 268	0,29 (0,29–0,30)	3000	0,34 (0,32–0,35)	101 435	0,24 (0,23–0,24)	0,26
35–49, %	14 427	0,340 (0,33–0,35)	11 268	0,33 (0,32–0,34)	3000	0,36 (0,34–0,38)	101 435	0,30 (0,30–0,30)	0,29
50–64, %	14 427	0,23 (0,22–0,24)	11 268	0,24 (0,23–0,24)	3000	0,21 (0,19–0,22)	101 435	0,26 (0,26–0,26)	0,25
65+, %	14 427	0,13 (0,12–0,14)	11 268	0,14 (0,13–0,14)	3000	0,10 (0,09–0,11)	101 435	0,20 (0,20–0,21)	0,20
Полное среднее и ниже	14 422	0,20 (0,19–0,21)	11 263	0,21 (0,20–0,22)	3000	0,15 (0,14–0,17)	101 435	0,24 (0,23–0,24)	0,43
Среднее специальное	14 422	0,37 (0,36–0,37)	11 263	0,37 (0,36–0,38)	3000	0,35 (0,33–0,37)	101 435	0,45 (0,44–0,45)	0,19
Высшее и незаконченное высшее	14 422	0,44 (0,43–0,44)	11 263	0,42 (0,41–0,43)	3000	0,50 (0,48–0,52)	101 435	0,32 (0,31–0,32)	0,38
Живет один/одна	14 427	0,20 (0,19–0,21)	11 268	0,20 (0,19–0,21)	3000	0,19 (0,18–0,21)	101 435	0,17 (0,17–0,17)	
Женат/замужем	14 304	0,61 (0,60–0,62)	11 174	0,61 (0,61–0,62)	2974	0,59 (0,57–0,61)	101 435	0,62 (0,62–0,62)	
Размер домохозяйства, чел.	14 427	2,85 (2,82–2,88)	11 268	2,87 (2,84–2,90)	3000	2,77 (2,72–2,83)	101 435	2,75 (2,74–2,76)	
Безработный	14 427	0,35 (0,34–0,36)	11 268	0,36 (0,35–0,37)	3000	0,32 (0,30–0,34)	101 435	0,42 (0,41–0,42)	0,31
Живет в сельской местности	14 427	0,21 (0,20–0,21)	11 268	0,22 (0,21–0,23)	3000	0,17 (0,16–0,18)	101 435	0,25 (0,24–0,25)	0,25
Ежемесячный доход на члена домохозяйства, тыс. руб.	8601	24,08 (23,51–24,66)	6657	23,33 (22,69–23,97)	1870	26,68 (25,31–28,05)	101 435	21,04 (20,93–21,14)	
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц									35247

⁴⁰ Стандартные ошибки даны в скобках.

⁴¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020./Росстат- М.

⁴² Россия в цифрах. 2019: Крат.стат.сб./Росстат- М; Численность населения российской федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года/ Росстат- М

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Описание вопросника

В ходе опроса респондент последовательно проходил отдельные блоки вопросов (рис. 2), в зависимости от того, был ли он жертвой преступления и каков был характер этого преступления. Кроме вопросов о преступлении и ущербе, задавались вопросы о преступнике, об обращении в полицию и о результатах такого обращения. Вопросы задавались о количестве преступлений за последние 5 лет и за 12 месяцев; детально респондентов опрашивали о самом последнем по времени преступлении.

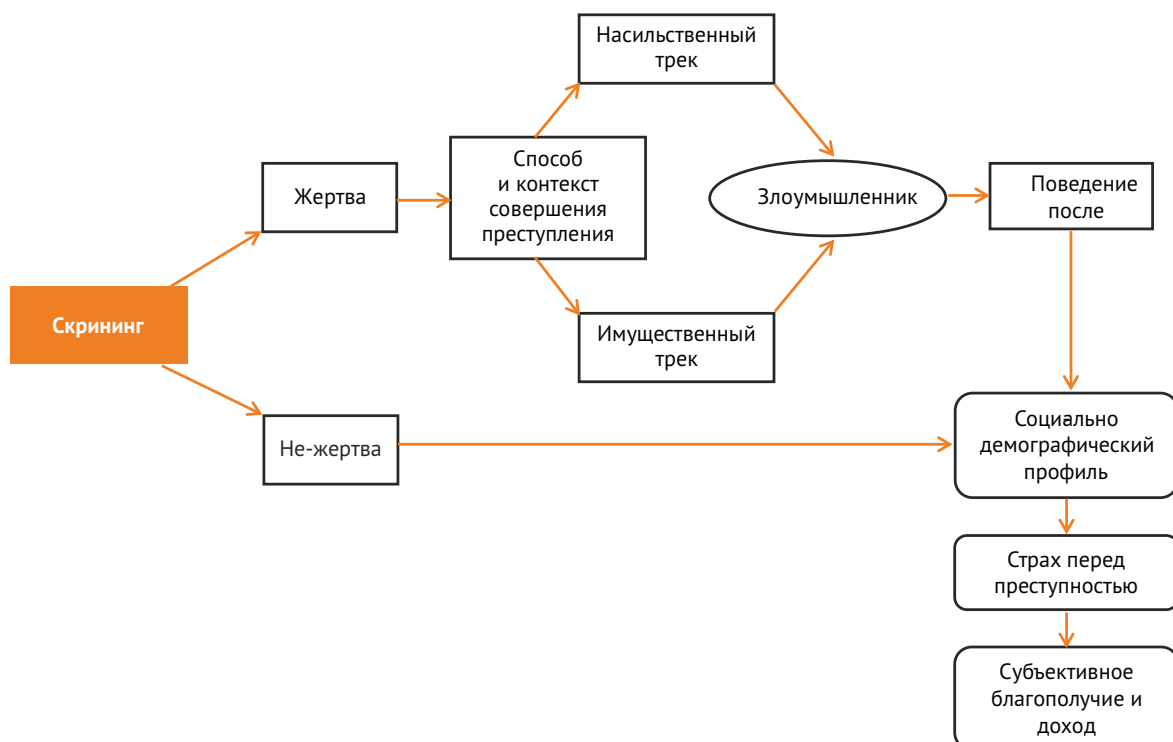
Везде, где это возможно, вопросы формулировались в виде простых дихотомий: «был ли имущественный ущерб», «были ли вы жертвой насилия» и т. д. Этот выбор был продиктован необходимостью уйти от повседневных классификаций – в русском языке они плохо передают правовые и криминологические категории. Человек может сказать «меня ограбили», имея в виду и кражу, и грабёж, и мошенничество.

Категории преступлений потом формировались через сопоставление различных криминообразующих признаков (например, имуществом завладел другой человек, жертва не видела преступника, но при этом не считает, что имел место обман, – это кража).

В сумме такой подход позволяет комплексно увидеть картину преступности в России, структуру жертв и практику работы полиции по тем фактам преступлений, о которых полиции стало известно.

По завершении блоков, связанных с преступлением, жертвы отвечали на тот же набор вопросов о социальнодемографических характеристиках, что и нежертвы, а также о своих страхах перед преступностью. В завершение респондентам задавались вопросы об их субъективном благополучии и о суммарном доходе всех членов домохозяйства. В силу сензитивности последнего вопроса 40% респондентов не дали на него свой ответ.

Рисунок 2. Тематическая схема анкеты

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Сотрудники

Вадим Волков
научный
руководитель

Кирилл Титаев
директор
по исследованиям

Арина Дмитриева

Мария Шклярчук

Дмитрий Скугаревский

Екатерина Ходжаева

Тимур Бочаров

Алексей Кнорре

Владимир Кудрявцев

Денис Савельев

Дарья Кузнецова

Руслан Кучаков

Ксения Рунова

Дмитрий Серебренников

доктор социологических наук, PhD (Cambridge University), Ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (2005)

кандидат социологических наук, специалист по эмпирическим исследованиям права и правоприменения, ассоциированный профессор по социологии права им. С. А. Муромцева

социолог, экономист, специалист по экономическому анализу права

юрист, LL.M. (Hamburg), кандидат экономических наук, специалист по проблемам правоохранительной деятельности, сравнительному правоведению

PhD (The Graduate Institute of International and Development Studies), ассоциированный профессор по эмпирико-правовым исследованиям Европейского университета в Санкт-Петербурге, экономист, специалист по Law & Economics, судебной статистике, микроэконометрике, Big Data

кандидат социологических наук, специалист по исследованиям юридической профессии, полиции, судов присяжных

юрист, социолог, специалист по гражданскому и арбитражному процессу криминолог

криминолог, специалист по регулированию

кандидат юридических наук, специалист по информационному праву и интеллектуальным правам

юрист, специалист по регулированию

экономист, специалист по регулированию

социолог, специалист по пенитенциарной системе

социолог, историк

Административный директор – **Мария Батыгина**

Администратор – **Анна Яско**

Наши книги

- Э. Панеях, К. Титаев, М. Шклярчук. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. СПб., 2018. – 476 с.
- Т. Бочаров, А. Дмитриева. Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком: монография. М., 2021. – 232 с.
- Т. Бочаров, Е. Моисеева. Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии. СПб., 2016. – 278 с.
- К. Титаев, М. Шклярчук. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. – 192 с.
- В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титаев. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. – 272 с.
- Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции. М., 2015. – 320 с.
- Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. – 568 с.
- По ту сторону права: законодатели, суды и полиция в России. М., 2014. – 331 с.

Серия аналитических статей

- Т. Бочаров, Д. Савельев, Д. Скугаревский. Арбитражные споры по видам экономической деятельности сторон: аналитический обзор. СПб., 2022. – 20 с.
- Р. Кучаков, Д. Скугаревский. Контроль и надзор в 2021 г. Возврат к норме или новая парадигма?: аналитический отчет. СПб., 2021.
- Д. Савельев, Д. Скугаревский. Нормы о невозможности исполнения обязательств: обзор практики арбитражных судов. СПб., 2021. – 24 с.
- К. Рунова, Д. Скугаревский, Л. Жижин. Тюремная география, денежные переводы и социальные связи заключенных: аналитическая записка. СПб., 2021. – 18 с.
- Д. Савельев. «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка. СПб., 2021. – 17 с.
- К. Титаев. Нормы и практика в уголовной политике: разрывы и дисбалансы. СПб., 2020. – 15 с.
- Д. Скугаревский, Р. Кучаков. Сценарии расширения мер государственной поддержки экономики при пандемии. СПб., 2020. – 6 с.

Все материалы сотрудников ИПП Вы всегда можете найти на сайте www.enforce.spb.ru

